

Отзыв
на автореферат диссертации МИРОШНИЧЕНКО Марии Ильиничны
«Женщины на Урале в 1920-е гг. – середине 1930-х гг.: структуры социума,
мировоззрение, деятельность» (Челябинск, 2016),
представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук
по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Диссидентант ставит перед собой сложную цель: комплексно изучить женский социум Урала в его многообразии, причем, - в рамках внутренне неоднородного периода, вместившего в себя «военный коммунизм», нэп, форсированную модернизацию первых пятилеток, т.е., по сути, - разные эпохи, порождавшие, в свою очередь, различные структуры социума, мировоззренческие позиции, повседневные практики. Задачи диссертационного исследования вполне логичны, непосредственно связаны с общей структурой работы и выводами по каждому разделу, являющимися одновременно и основными положениями, выносимыми на защиту.

Для реализации поставленных задач М.И. Мирошниченко пришлось изучить огромный пласт литературы и источников различных видов. В научный оборот введен значительный массив неопубликованных документов, извлеченных из фондов 16 архивов, а также опубликованная статистика, публицистика, газетные материалы. По поводу группировки источников можно выразить некоторые сомнения. Источникovedческий анализ все же принято начинать с официальных источников, диссидентант же к первой группе относит делопроизводственную документацию, без пояснения технологии ее обработки. Например, бесспорно заявление, что «по выпискам из приказов и распоряжений можно проследить представление отпусков по беременности и родам» (с.15), но столь же очевидно, что сплошная обработка такого рода документации неэффективна. Если же она проводилась избирательно, по персоналиям, тогда не понятно, на каком конкретном материале. Эти же вопросы возникают относительно обработки личных и судебно-следственных дел (сколько, чьих, где, какими методами?). О «Книге памяти», упомянутой в историографии (с.12), логичнее было бы сказать именно в источникovedческом разделе, пояснив, снова же, каким образом велась разработка информации.

Объект исследования – женское население Урала – не вызывает возражений, однако территориальные рамки самого «Урала» (с Предуральем и Зауральем) обозначены исключительно географически, без привязки к конкретным административно-территориальным единицам (с.13-14), что не позволяет судить о корректности подсчетов численности женщин региона, их удельного веса в составе социальных групп и т.п.

Большим научным вкладом М.И. Мирошниченко следует признать проведенную социальную структуризацию женского населения Урала, в т.ч. выявление особых групп (казачек, насыльниц, репрессированных женщин); описание их ролей и моделей поведения через призму общих тенденций и региональной специфики. Со всей ответственностью можно сказать, что особенно сложен выход на мировоззренческий (ментальный) и деятельностный уровни исследования. Богатый фактический материал отражает различные дискурсы женского движения, сложного взаимодействия патриархальных структур и продуктов социалистической модернизации, новой идеологии и таких «пережитков прошлого» как проституция. Очень ценен и биографический ракурс изучения проблемы, позволяющий оживить историю через судьбы конкретных представительниц социума.

Вместе с тем, позволю себе высказать ряд замечаний. Более всего к ним располагает методологический раздел. Во-первых, диссидентант совершенно не обозначил «теории первого уровня», хотя по тексту очевидно обращение (по умолчанию) к таким общетеоретическим конструктам как теория модернизации, социальной стратификации, идентификации и др. По-сути, методология подменяется неким «интеграционным

подходом» с элементами «культурной истории», истории повседневности, гендерной истории, исторической феминологии (с.16-17). Стремление автора развернуть исследование в духе антропологического поворота безусловно импонирует, ибо позволяет обогатить работу новыми подходами и методами. Но сумма подходов и набор апробированного разными школами инструментария не обеспечивает единства теоретической базы. Во-вторых, ошибочно ставя знак равенства между историей повседневности и новой социальной историей, диссертант дает множество различных трактовок самой повседневности, в конечном итоге отсылая к неконкретной и спорной цитате-рассуждению (с.18). В-третьих, не могу согласиться с заявлением диссертанта о том, что «отечественная историческая наука прошла путь от традиционного бытописания через микроисторию к комплексному изучению...» (с.17).

Наконец, возникает закономерный вопрос по поводу широко используемого автором понятия «советская гендерная композиция». В автографе этот ключевой термин никак не определен. Приходится гадать, разделяет ли диссертант теорию конструирования социальных гендерных практик Р. Коннела? Если да, то предполагалась бы иная структура исследования, через описание социальной реальности и системы структурных возможностей для гендерных практик, реализуемых в трех основных сферах.

Поскольку же не ясно, что автор понимает под «гендерной композицией», и каковы критерии ее сформированности, возникает немало вопросов по ходу знакомства с работой. Так, один из основных выводов диссертанта гласит, что в 1920-е – первой половине 1930-х годов сложилась «советская гендерная композиция» (с.20), но здесь же 1929-1932 гг. названы рубежным периодом между «двумя моделями первой советской гендерной композиции» (с.20), а в заключении заявлено, что «советская гендерная композиция» сформировалась в конце 1920-х годов (с. 40). Причем, из материалов исследования явствуют существенные различия между т.н. «моделями», что вполне объяснимо с позиций проблемно-хронологического подхода и неоднородности рассматриваемого периода. Можно ли при этом считать их единой «композицией»? На мой взгляд, логичнее было бы вообще отказаться от не наполненного в данном случае содержанием термина, и, проследив эволюцию государственной политики в женском вопросе, выделить основные ее этапы.

Автограф не представляет возможности судить о динамике и численном соотношении городского/сельского женского населения и спецконтингента; о национальном составе и специфике самоидентификации различных национально-конфессиональных групп и т.п. Возможно, эти аспекты отражены в основном тексте диссертации.

В целом результаты проведенной работы прошли надежную апробацию на научных конференциях и нашли отражение в обширном списке опубликованных соискателем работ, в т.ч. в авторской и коллективной монографиях и 18 статьях в изданиях, рекомендованных ВАК. Считаю, что диссертационная работа может быть признана самостоятельным завершенным исследованием, отличающимся научной новизной и практической значимостью. Диссертация соответствует требованиям п. 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор заслуживает присуждения искомой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Доктор исторических наук, заведующая кафедрой
отечественной истории и культурологии Сибирского
государственного технологического университета
660049, Красноярск, Мира, 82;
8(391)2278800; svet4786@yandex.ru

7 сентября 2016 г.

С.А. Рафикова

